СЕРИЯ «МАЛЕНЬКИЕ ТАЙНЫ БОЛЬШОГО СЧАСТЬЯ»

МАРУСЯ ЕВИНА

КНИГА 4

ВКУС ЛИМОННОГО МОРОЖЕНОГО

Роман о залитых солнцем лимонных террасах, романтическом путешествии в Рим, верности сердца и вкусе подлинного счастья

18+

2026

Маруся Евина

Вкус лимонного мороженого

https://litres.ru/74742857
SelfPub; 2026

Аннотация

После триумфа на миланской выставке художница Вера Лаврова обретает долгожданный покой в уютном приморском городке Белла-Виста на Лигурийском побережье Италии. Вместе с Лукой и грациозной черной кане-корсо Евой она обустраивает жизнь у теплого моря.

Накануне тридцать пятого дня рождения Веру охватывает тревога: Лука часто отлучается в Геную, хранит странное молчание и кажется отстраненным. Ответ на ее женские сомнения оказывается сказочным — Лука дарит ей незабываемое путешествие в Рим с проживанием в легендарном отеле «де Руси» с его Секретным садом и билетами первого ряда на ночной оперный гала-концерт в античном Театре Марцелла. Безмолвная ночная прогулка по спящим площадям Вечного города — от залитого лунным светом Пантеона до Фонтана Треви — открывает новую, глубокую нежность в их отношениях.

Четвертый роман вдохновляющего авторского цикла Маруси Евиной «Маленькие тайны большого счастья». Каждая книга серии — самостоятельная история со счастливым законченным финалом.

Содержание

Пролог. Фарфоровая чашка с лимонным цветком 5
Часть I. Горечь невысказанных обид 11
Глава 1. Утро на площади Сан-Лоренцо и верная Ева 12
Глава 2. Тайна на доске историй у синьоры Марты 20
Глава 3. Тропа Сан-Рокко: подъем к заброшенным террасам 27
Глава 4. Забытая «Вилла Лимоне» и тишина старого сада 34
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Маруся Евина
Вкус лимонного мороженого

«Иногда жизнь преподносит нам самые неожиданные подарки не по расписанию, а тогда, когда мы готовы всем сердцем довериться любви. Настоящее счастье пахнет нагретым римским камнем, цветущим лимоном и теплом руки того, кто бережно идет рядом с тобой сквозь любые сомнения».

Пролог. Фарфоровая чашка с лимонным цветком

« «Каждая старинная вещь хранит в себе тепло рук, которые ее касались, и память сердец, которые бились рядом. Иногда крошечная фарфоровая чашка способна открыть дверь в совершенно новый мир». {brandAccent— Маруся Евина}»

Лигурийский залив в этот утренний час казался отлитым

из жидкого серебра.

Вера Лаврова сидела в глубоком плетеном кресле на открытой террасе приморского кафе «Da Marta», сжимая ладонями теплую керамическую кружку со свежим капучино. Плотная молочная пена пахла корицей и стручковой ванилью, а с моря тянуло легким, прохладным бризом, шевелившим светлые льняные занавески на широких арочных окнах. Солнечные блики весело играли на вымытых до блеска каменных плитах набережной, где редкие чайки лениво расправляли белоснежные крылья навстречу новому дню, а рыбаки в порту неторопливо перебирали оранжевые сети.

У ее ног, сладко потягиваясь и изредка вздрагивая во сне лапами, спала Ева.

Молодая черная кане-корсо положила изящную бархатную морду прямо на край ее соломенных эспадрилий, словно оберегая покой любимой хозяйки даже в царстве сновидений. Ее гладкая, короткая шерсть отливала на солнце смоляным глянцем, а на широкой груди белело изящное пятнышко правильной формы, делавшее ее похожей на юную благородную графиню. Время от времени чуткие уши собаки забавно подергивались, когда над площадью Сан-Лоренцо с пронзительным криком проносилась ласточка, но открывать глаза Ева не спешила: рядом была Вера, в воздухе пахло морем и покоем, а значит, весь мир находился в абсолютной безопасности.

Прошел почти год с того переломного осеннего дня, когда

Вера впервые сошла на перрон Белла-Виста с одним потертым чемоданом, разбитым сердцем и горьким ощущением жизненного тупика.

Как много всего переменилось с тех пор, как щедро судьба вознаградила ее за смелость сделать шаг в неизвестность.

В ее жизнь вошел Лука — надежный, внимательный, сильный мужчина, рядом с которым растаяли давние страхи, горечь предательства и многолетнее недоверие к миру. Ее картины, написанные на вершине старого маяка Капо-делла-Луче, покорили Милан: критики на выставке в Палаццо Реале наперебой писали о рождении нового лигурийского импрессионизма, а диптих «Утес и прибой» украсил частную коллекцию европейского фонда. Созданная ими Международная школа искусств на мысе жила своей звонкой, наполненной молодыми голосами жизнью.

Но за этой чередой счастливых, стремительных событий Вера начала замечать в себе странную, тихую усталость. Она отдавала всю себя творчеству, ученикам, краскам, холстам, и теперь ее душа просила паузы — глубокого вдоха, целительной тишины и простого женского уюта.

Деревянная дверь кафе тихо скрипнула, и на террасу вышла синьора Марта.

В руках хозяйки блестел серебряный поднос, на котором стояла тарелка со свежеиспеченным миндальным печеньем и небольшой сверток тончайшей папиросной бумаги, перевязанный шелковым шнуром.

— Доброе утро, кара,— Марта улыбнулась своей теплой, материнской улыбкой, опустившись на соседний стул. Ева приоткрыла один янтарный глаз, шумно потянула носом воздух, безошибочно определив присутствие миндальной выпечки, и с легким постукиванием гладкого хвоста о деревянный настил снова прикрыла веки.— Ты сегодня слишком задумчива, Вера. Снова встала вместе с первыми лучами солнца?

— Не спалось, Марта,— мягко призналась Вера, протянув руку и погладив Еву между чуткими бархатными ушами. Молодая собака благодарно прижалась к ее ладони.— В мастерской стояла такая звонкая предрассветная тишина. Я подошла к чистому мольберту, взяла кисть и вдруг поняла, что пока не знаю, какой цвет положить первым. Словно внутри накопилось слишком много чувств, образов и впечатлений, и им нужно время, чтобы улечься на дно, как прозрачной воде в горном источнике.

Марта понимающе кивнула, отломила крошечный кусочек печенья и с улыбкой протянула его Еве. Молодая кане-корсо аккуратно приняла лакомство одними губами, стараясь не задеть пальцы хозяйки кафе, и довольно облизнулась.

Затем Марта аккуратно развернула шуршащую бумагу на подносе.

Перед Верой предстал удивительный предмет.

Это была старинная чашка из полупрозрачного, молоч-

но-белого костяного фарфора знаменитой флорентийской мануфактуры Ришар-Джинори. По ее тончайшим бортикам шла искусная ручная роспись: гибкая веточка спелого лимона с сочными изумрудными листьями и нежными белыми цветками, украшенными золотистыми тычинками. К изящной ручке широкой зеленой шелковой лентой была привязана плотная карточка из бумаги верже с неровными, обожженными краями.

Вера осторожно взяла чашку в руки. Фарфор был настолько невесомым, что сквозь стенку отчетливо просвечивали очертания пальцев. Казалось, эта чашка хранит в себе прохладу горного родника и тепло пальцев мастера, прикасавшегося к ней столетие назад.

— Какая тонкая, одухотворенная работа...— прошептала Вера, любуясь игрой утреннего света на фарфоровых лепестках.— Откуда эта реликвия, Марта?

— Вчера вечером я сняла ее с нашей доски историй,— тихо произнесла Марта, бросив взгляд на дубовую стену у входа в кафе.— Ее оставил синьор Флавио с «Виллы Лимоне». Ты знаешь эту старинную усадьбу на самом верху горной тропы Сан-Рокко? Вековые террасы, где когда-то собирали самые сладкие, самые ароматные лимоны на всем лигурийском побережье. Старик остался совсем один. Банк грозит забрать землю за долги по закладной, а он упрямо заперся среди заросших садов и никого к себе не подпускает. Местные жители говорят, что он потерял интерес к жизни

после смерти бабушки Грации.

Вера развернула шелковую карточку и прочитала строки, выведенные изящным каллиграфическим почерком цвета выцветшей ореховой сепии:

« «Тому, кто ищет сладость в горечи потерь. На заброшенной лимонной вилле в горах время замерло в ожидании чуда. Если ваше сердце готово вдохнуть аромат настоящего прощения — поднимитесь по тропе к старым террасам...»»

Слова отозвались в груди Веры глубоким, трепетным эхом.

Она взглянула на далекие горные склоны, тонущие в утренней синеве. Там, высоко над морем, среди диких зарослей мирта и замшелых каменных террас, ждала чья-то нерассказанная боль, чье-то одиночество и забытая красота, которую так отчаянно хотелось спасти.

Ева подняла изящную голову, посмотрела на Веру умными янтарными глазами и тихонько ткнулась влажным носом в ее ладонь, словно одобряя решение, которое только что созрело в ее сердце.

— Я пойду туда, Марта,— твердо произнесла Вера.— Мы с Лукой обязательно поднимемся к синьору Флавио.

Часть I. Горечь невысказанных обид

Глава 1. Утро на площади Сан-Лоренцо и верная Ева

« «Утро на море всегда пахнет надеждой. Стоит вдохнуть этот свежий соленый ветер, почувствовать тепло родной руки и верный взгляд собаки рядом — как все тревоги вчерашнего дня тают без следа». {brandAccent— Маруся Евина}»

Звон колокола на старинной колокольне базилики Сан-Лоренцо мягко прокатился над терракотовыми черепичны-

ми крышами Белла-Виста, возвещая девять часов утра.

Приморский городок окончательно проснулся. Владелец лавки свежей зелени синьор Антонио с привычным бодрым грохотом выкатывал на вымытую брусчатку деревянные ящики с персиками, спелыми помидорами сан-марцано и темно-фиолетовыми глянцевыми баклажанами, приветственно приподнимая холщовую кепку перед редкими утренними прохожими. С набережной доносился ровный, размеренный рокот моторов рыбацких баркасов, возвращавшихся с ночного лова в заливе, а чайки лениво покачивались на лазурных волнах у старого мола, высматривая серебристую кильку.

Вера провела кончиком пальца по золоченому ободку фарфоровой чашки, все еще ощущая исходящее от нее странное, притягательное тепло.

Ева внезапно насторожила уши, поднялась на все четыре лапы и тихонько тявкнула — тонко, радостно, повернув красивую черную голову к арочному проходу, ведущему с набережной. Ее гладкий хвост начал мерно раскачиваться из стороны в сторону, сметая невидимые пылинки с деревянного настила террасы.

Полгода назад, когда Вера и Лука помогали Агате и смотрителю маяка Якопо на мысе Капо-делла-Луче восстанавливать мастерскую, они всем сердцем привязались к огромному, мудрому псу Якопо — черному кане-корсо Бруно. Его невозмутимое спокойствие, благородство и чуткий ум на-

столько покорили их, что Лука предложил: их собственному дому у моря жизненно необходим такой же верный друг. Они специально поехали в старинный питомник в предгорьях Пьемонта и привезли оттуда двухмесячный угольно-черный комочек с трогательной белой отметиной на груди, напоминавшей звездочку. Так в их жизни появилась Ева. Сейчас молодая кане-корсо превратилась в статную, грациозную красавицу со смоляной гладкой шерстью и умными янтарными глазами, став верной тенью Веры.

— Кто там, девочка моя?— шепотом спросила Вера, хотя по мгновенной счастливой перемене в поведении собаки уже знала ответ.

Из-за угла старинного палаццо появился Лука.

Он шел своей стремительной, пружинистой походкой, в расстегнутой на две верхние пуговицы белой льняной рубашке и светлых песочных брюках. Через плечо у него висел потертый ремень кожаного тубуса с архитектурными чертежами, а в руках он нес плотную картонную папку. Утреннее солнце золотило его темные, чуть тронутые морской солью волосы, и на губах играла та особенная, полускрытая улыбка, от которой у Веры до сих пор сладко и волнующе сжималось сердце.

Завидев хозяина, Ева не выдержала этикета. Издав радостный переливчатый звук, молодая черная собака сорвалась с места и в три легких, пружинистых прыжка преодолела ступени террасы, ласково уткнувшись в колени Луки.

— Эй, красавица! Потише, ты же помнешь проект реставрации перголы!— Лука со смехом перехватил шею собаки, опустился на одно колено прямо на брусчатку и обеими руками погладил шелковистую смоляную шерсть на загривке кане-корсо.— Кто здесь самая верная защитница? Кто оберегал нашу Веру, пока я бегал в строительный комитет?

Ева блаженно зажмурилась, восторженно тыкаясь влажным кожаным носом в подбородок Луки и тихо поскуливая от собачьей радости. Белое пятнышко на ее широкой груди ярко выделялось на фоне черного глянца шерсти. Эта картина каждый раз вызывала у Веры глубокую волну тепла. В молодой собаке жила нежная и преданная душа, а Лука обращался с ней с той спокойной мужской чуткостью и силой, которая проявлялась во всем, к чему он прикасался.

Поднявшись на ноги и отряхнув колени, Лука поднялся на веранду и подошел к столику.

Его взгляд встретился со взглядом Веры, и в этих серых, глубоких глазах цвета лигурийского предрассветного неба на миг отразилась вся та безмолвная преданность, ради которой стоило пережить любые невзгоды прошлого.

Он наклонился, коснулся теплыми губами ее виска, задержав дыхание в ее светлых волосах, пахнущих лавандовым мылом, и тихо произнес:

— Доброе утро, моя радость. Ты сегодня на удивление рано сбежала из дома. Я проснулся, протянул руку, а на подушке пусто. Только легкий цветочный аромат да эхо твоих

шагов по лестнице.

— Мне захотелось увидеть море до того, как поднимется полуденный зной,— с нежной улыбкой отозвалась Вера, протягивая руку и переплетая свои пальцы с его сильными, чуть шероховатыми пальцами.— К тому же Ева настойчиво трогала меня лапой за плечо, напоминая, что утренняя прогулка по набережной входит в ее обязательный распорядок дня.

— Ева всегда находит веские поводы вывести тебя на воздух,— усмехнулся Лука, усаживаясь в соседнее плетеное кресло.

Синьора Марта, словно ждавшая этого момента за барной стойкой, тут же появилась с маленькой чашечкой обжигающего ристретто, высоким граненым стаканом ледяной воды и тарелочкой со свежей выпечкой.

— Доброе утро, синьор архитектор. Попробуйте этот пирог — я испекла его со старым лимонным джемом, сваренным еще по записям бабушки Грации.

— Обещаю быть предельно чутким к кулинарным традициям, Марта,— весело отозвался Лука, делая глоток густого кофе. Затем его взгляд упал на фарфоровую чашку, стоявшую на салфетке перед Верой. Он замер. Чашечка с ристретто застыла в воздухе, и темные брови его удивленно сошлись к переносице.— Погоди... Откуда это здесь?

— Ты узнаешь ее?— встрепенулась Вера, подавшись вперед.

Лука медленно поставил кофе на блюдце, бережно взял чашку в руки и повернул ее донышком к утреннему свету.

— Конечно узнаю. Это синее клеймо старинной флорентийской мануфактуры Ришар-Джинори ди Дочча. Костяной фарфор ручной росписи, конец девятнадцатого века. Таких сервизов во всей нашей провинции было всего два. Один находился во дворце маркиза в Генуе, а второй принадлежал семье Вальверде с «Виллы Лимоне». Мой дед рассказывал, что Нонна Грация Вальверде подавала в этих чашках свое знаменитое лимонное мороженое только в исключительных случаях — на помолвки, крестины и дни сбора первого урожая. Я мальчишкой помню, как весь городок поднимался на холм в праздник Успения, и над садами стоял густой аромат ванили и свежей цитрусовой цедры. Этот запах с ветром долетал даже до маяка на мысе Капо-делла-Луче!

Вера подвинула к нему шелковую карточку с каллиграфическими строками. Лука внимательно перечитал текст, и лицо его стало сосредоточенным и строгим.

— Значит, Флавио все-таки решился оставить знак на доске историй,— медленно проговорил он, разглядывая золоченый ободок.— Я слышал на прошлой неделе в строительном отделе муниципалитета, что банк подал иск о принудительной продаже усадьбы. Если до конца месяца долг по закладной не будет закрыт, старинные каменные террасы пустят с молотка. Какой-то девелопер из Милана уже планирует снести вековые деревья и построить на их месте бетонные блоч-

ные апартаменты с бассейнами.

Вера почувствовала, как по спине пробежал холодок тревоги.

— Но ведь этим деревьям больше ста лет, Лука! Это же живая история побережья, память поколений! К тому же эти каменные террасы защищают склон от оползней во время осенних дождей! Неужели никто не пытается их отстоять?

Лука посмотрел на нее с глубокой нежностью и едва заметной грустной улыбкой:

— Старик Флавио слишком горд, Вера. Он ни за что не станет просить милостыню или жаловаться в мэрии. Он выставил за ворота трех риелторов с их чеками, потому что для них эта земля — лишь квадратные метры для быстрой наживы. Если он сам доверил Марте эту фамильную реликвию... значит, в глубине души он все еще надеется встретить людей, способных разглядеть в старом саде его подлинную ценность и живую душу.

Ева, внимательно прислушивавшаяся к их беседе, тихонько вздохнула, положила изящный подбородок прямо на колено Луки и подняла преданные янтарные глаза, словно призывая не медлить ни минуты.

Вера решительно сжала ладонь любимого:

— Мы должны подняться туда, Лука. Прямо сегодня, пока полуденный зной не раскалил камни.

Лука посмотрел в ее горящие решимостью глаза и кивнул:

— Мы обязательно пойдем. Я покажу тебе тропу Сан-Рок-

ко и тайные тропы старых террас.

Глава 2. Тайна на доске историй у синьоры Марты

« «Самые горькие обиды рождаются из невысказанных слов. Но земля помнит только любовь, и даже полувековое молчание рассеивается, когда двое открывают свои сердца навстречу правде». {brandAccent— Маруся Евина}»

Синьора Марта сняла накрахмаленный белый передник с кружевной оторочкой, аккуратно повесила его на спинку

соседнего деревянного стула и опустилась за их столик.

Площадь перед кафе постепенно заливало жаркое предобеденное солнце, но здесь, под густым пологом цветущих глициний и старого дикого винограда, царила благословенная прохлада. В воздухе тонко пахло жареными кофейными зернами, влажной глиной и нагретой листвой.

— Раз уж вы заговорили о семье Вальверде, я расскажу вам то, о чем в городке помнят лишь немногие старожилы,— неторопливо начала Марта, осторожно касаясь кончиками пальцев фарфорового края чашки.— Этот фарфор хранит в себе не только искусную работу флорентийских мастеров, мои дорогие, но и сокровенную память о судьбах людей, живших в стенах усадьбы. Чашка была частью сервиза на двенадцать персон, преподнесенного прадеду Флавио еще в 1884 году в честь закладки первых террас с привитыми саженцами.

Марта опустила руку в глубокий карман своей бархатной жилетки, извлекла небольшую пожелтевшую фотографию с закругленными краями и бережно положила ее на полированное дерево стола.

Вера и Лука склонились над старинным снимком.

На выцветшей черно-белой карточке, под широкой каштановой перголой, сквозь которую пробивались солнечные зайчики, сидели две молодые, удивительно красивые женщины в светлых батистовых платьях с высокими кружевными воротниками. Перед ними на круглом столике из белого кар-

рарского мрамора стояла та самая чашка с лимонной росписью, а в тонких пальцах одной из девушек блестела изящная серебряная ложечка с витой ручкой. Обе женщины счастливо улыбались фотографу, и в их чертах сквозило поразительное фамильное сходство: ясные миндалевидные глаза, точеные скулы и гордая посадка головы.

— Это Грация и ее младшая сестра Элеонора,— продолжала Марта, и голос ее звучал мягко и напевно, словно старинная генуэзская песня.— Грация была душой усадьбы. Она знала каждое цитрусовое дерево по имени, понимала капризы горных ветров, направление подземных ключей и характер земли. Именно она после долгих поисков создала рецепт лимонного джелато, о котором ходили восторженные слухи от Сан-Ремо до самой Ниццы. Старики говорили, что ее десерт обладал настоящим целительным свойством: человек, съевший порцию этого мороженого, словно сбрасывал с плеч тяжелый груз, забывал застарелые обиды и вновь обретал способность искренне радоваться каждому дню.

— В чем же заключался секрет ее мастерства?— спросила Вера, завороженная рассказом.— Редкий сорт цитрусовых? Или особая родниковая вода?

— И сорт плодов, и чистейшая ледниковая вода из горного источника, но главное — настой диких трав и капли лимонного меда, рецепт которого держался в строжайшей тайне,— ответила Марта.— Но полвека назад в их дом пришла беда. Молодой французский дипломат, гостивший ле-

том на побережье, очаровал младшую сестру, юную Элеонору. Между сестрами вспыхнула яростная ссора. Грация видела, что юноша ветренен, горд и пуст, она пыталась уберечь сестру от непоправимой ошибки, но ослепленная любовью Элеонора сочла это за зависть и жестокость. В порыве гнева она тайно собрала дорожный саквояж и уехала во Францию, забрав с собой тетрадь с половиной семейного рецепта и ту самую фамильную серебряную ложечку.

— А Грация?— тихо спросил Лука.

— Грация замкнулась в себе. Ее сердце словно зачерствело от невыносимой боли. Она запретила даже упоминать имя сестры в стенах усадьбы, заперла летнюю кухню на тяжелый засов и больше ни разу в жизни не прикоснулась к медной мороженице. И прекрасный сад начал медленно угасать вместе с ней. Деревья чувствуют, когда их искренне любят, и чахнут, когда в доме поселяется глухая, невысказанная обида.

Марта тяжело вздохнула:

— Синьор Флавио — ее внучатый племянник, последний прямой потомок рода Вальверде. Он долгие годы успешно работал архитектором интерьеров в Генуе и Милане, но когда понял, что вилла окончательно гибнет, бросил карьеру и вернулся в Белла-Виста. Он ухаживает за деревьями от зари до зари, но восстановить хозяйство в одиночку пожилому человеку не под силу. А на прошлой неделе судебный пристав вручил ему уведомление о принудительной ликви-

дации. Флавио пришел ко мне вечером, поставил эту чашку на доску историй и сказал: «Если эта чашка не позовет того, кто поймет ее язык, значит, род Вальверде заслужил забвение».

Вера подняла глаза на Марту. В душе художницы все сжалось от острой боли и глубокого сострадания.

Она слишком хорошо помнила, что значит остаться на пепелище своей прошлой жизни, когда кажется, что все твои труды обесценены, а впереди маячит только холод и безвыходное одиночество. Она помнила предательство бывшего мужа в прежнем холодном городе, помнила панический страх перед будущим... И если бы не Белла-Виста, не этот солнечный берег и не верная, сильная рука Луки, она никогда бы не смогла снова поверить в добро и дышать полной грудью.

— Мы не позволим уничтожить этот сад, Марта,— твердо сказала Вера.

Лука сжал ее пальцы, и в его глазах вспыхнул тот особенный огонек решимости, который появлялся у него всякий раз перед лицом труднейших задач:

— Подпорные террасы сложены из великолепного песчаника. Если каменная основа уцелела, восстановить деревянные перголы и наладить самотечный полив вполне реально. А ты, Вера, напишешь серию солнечных картин. Когда люди видят красоту, запечатленную на полотне искренней кистью, они начинают ценить то, мимо чего раньше проходили рав-

нодушно.

— Именно так! Солнечные этюды среди лимонных пергол... Свет, проходящий сквозь листву!

Внезапно Лука бросил быстрый, украдкой брошенный взгляд на свои наручные часы и чуть нахмурился.

— Мне нужно срочно отлучиться на пару часов в Геную, Вера. Есть неотложные дела, которые требуют моего личного присутствия.

Вера удивленно посмотрела на него.

В последние дни Лука уже в третий раз спешно уезжал в Геную, закрывая свой кожаный блокнот всякий раз, когда она входила в комнату. Внутри нее шевельнулся легкий укол женского беспокойства. Приближался ее тридцать пятый день рождения — важная дата, о которой она сама старалась не думать слишком много. Неужели Лука забыл? Или у него появились какие-то проблемы, которыми он не хочет с ней делиться?

Заметив мимолетную тень сомнения на ее лице, Лука мягко коснулся ладонью ее щеки, заглянув прямо в глаза:

— Не хмурься, синьорина Лаврова. Верь мне. Я вернусь ровно к пяти часам, и мы вместе с Евой поднимемся на виллу. Договорились?

Ева тихо, согласно тявкнула, шевельнув смоляными ушами, словно подтверждая нерушимость мужского слова.

Вера заставила себя улыбнуться, отгоняя ненужные страхи:

— Договорились. Будь осторожен на горных серпантинах.

Лука быстро поцеловал ее в губы, ласково потрепал Еву за шелковистым ухом и легкой, пружинистой походкой направился к стоянке, где блестел на солнце его «Альфа Ромео».

Оставшись вдвоем с Мартой под тенистым навесом глициний, Вера еще долго сидела молча, вслушиваясь в неторопливый плеск прибоя. Ева улеглась у ее ног, положив морду на теплые ступени. Синьора Марта с материнской заботой подлила ей в чашку горячего чая из свежих листьев лимонной вербены и мелиссы, пододвинув тарелочку с хрустящими домашними кантуччи, пахнущими тертой цедрой и сладким обжаренным миндалем:

— Не тревожься, кара. Женщины часто принимают мужскую сосредоточенность за холодность. Но когда мужчина строит будущее для двоих, он уходит в свои мысли, как капитан в штурманскую рубку. Поверь мне, Лука из тех редких людей, чьи дела всегда громче слов.

Вера провела пальцем по тонкому фарфоровому краю чашки. В душе ее боролись легкая женская грусть и необъяснимое предчувствие великих перемен. Она знала одно: этот старый лимонный сад на вершине скалы уже стал частью ее собственной судьбы.

Глава 3. Тропа Сан-Рокко: подъем к заброшенным террасам

« «Подъем в гору учит терпению. Не нужно торопить шаг: на старинных каменных тропах важен каждый вдох, каждый поворот и человек, который идет рядом, готовый разделить тяжесть твоей ноши». {brandAccent— Маруся Евина}»

К пяти часам вечера зной над Лигурийским заливом начал постепенно отступать, сменяясь ласковой предвечерней

прохладой.

Солнце медленно склонялось к западному мысу, окрашивая морскую гладь в густые персиковые, сиреневые и расплавленные золотые тона. Воздух становился прозрачнее и глубже, и в нем отчетливо проступали вечерние ароматы: нагретая за день смолистая хвоя средиземноморских пиний, освежающее дыхание набегающего прибоя и пряный, сухой дух цветущего дикого розмарина, горного шалфея и лаванды.

Лука припарковал свой старый серебристый «Альфа Ромео» у подножия холма точно минута в минуту.

Он вышел из машины бодрый, подтянутый, в легкой свежей льняной сорочке. В его серых глазах горел тот особенный живой огонек, который выдавал внутреннее вдохновение, но он старательно делал вид, что это была самая обычная деловая поездка в провинциальное строительное управление.

— Я готов к восхождению, синьора художница,— весело объявил он, бережно забирая у Веры тяжелый деревянный этюдник с масляными красками, мастихинами и грунтованными картонными планшетами.— Наша четвероногая спутница уже извелась от нетерпения у калитки.

Молодая кане-корсо действительно нетерпеливо переступала стройными лапами по каменным плитам, коротко и звонко взлаивая и выразительно поглядывая на крутой подъем тропы.

Тропа Сан-Рокко начиналась сразу за последними черепичными домиками Белла-Виста. Это была древняя мощеная креуза, выложенная крупным речным булыжником и обтесанным темным сланцем еще во времена Генуэзской республики. По краям ее тянулись сложенные без единой капли раствора подпорные сухие стенки макасье, в расщелинах которых буйно цвели дикие каперсы с их бело-розовыми шелковистыми лепестками и длинными лиловыми тычинками, а также пышные кусты мирта и колючей ежевики.

— Знаешь, Вера,— негромко рассказывал Лука, шагая рядом и чутко придерживая ее за локоть на скользких сланцевых поворотах,— эти тропы закладывали бенедиктинские монахи еще в двенадцатом веке. Они рассчитывали ширину так, чтобы два груженых оливковым маслом мула могли разминуться без давки. Каждый камень подогнан вручную, поэтому вода во время осенних ливней стекает по желобам, не размывая склоны. Если беречь эти дороги, они служат тысячелетиями.

Вера шла рядом с Лукой, наслаждаясь каждым вдохом и каждым шагом.

После шумного Милана и долгих недель напряженного труда над выставочными полотнами эти простые вечерние прогулки вдвоем казались ей драгоценным даром судьбы. Она наблюдала за тем, как легко и уверенно Лука ступает по крутым камням, как бережно он несет ее этюдник, словно хрустальную вазу, и в ее душе поднималась тихая, глубокая

женская благодарность.

Ева то и дело убегала вперед по тропе, скрываясь за очередным крутым изгибом скалы, затем возвращалась, шевеля чуткими ушами и шумно дыша высунутым розовым языком, на мгновение тыкалась влажным носом в ладонь Веры, проверяя, на месте ли хозяйка, и снова устремлялась в заросли можжевельника. На одном из уступов молодая собака внезапно замерла, подняв уши: на скальном карнизе стояло семейство диких серн. Кане-корсо издала один звонкий, задорный лай, сверкнув белым пятнышком на шелковистой черной груди, и с довольным видом вернулась к хозяевам.

Они остановились перевести дыхание на широкой панорамной площадке у старинного каменного креста семнадцатого века.

Отсюда открывался захватывающий дух вид. Белла-Виста лежала внизу, словно на ладони. Были видны и круглая мраморная чаша фонтана на площади Сан-Лоренцо, и терраса кафе Марты под навесом глициний, и полосатая башня маяка на далеком мысе Капо-делла-Луче, вокруг которого фиолетовыми волнами колыхались поля дикой горной лаванды.

— Ты часто бывал на этой вилле в детстве, Лука?— спросила Вера, вглядываясь в террасированные склоны.

— Бывал, когда был мальчишкой,— ответил Лука, любуясь закатным морем.— Мой дед Антонио дружил со старшим поколением Вальверде. Осенью, во время сбора урожая, на эти террасы съезжалась вся округа. Мужчины с длин-

ными шестами бережно срезали спелые лимоны в плетеные корзины, обшитые мешковиной, чтобы не помять нежную кожицу, а женщины прямо на воздухе варили лимонный конфитюр и замачивали цедру. В воздухе стоял такой густой цитрусовый дух, что казалось, само солнце разлито по саду. А потом все затихло. Сначала ушла Грация, затем началась долгая судебная тяжба с налогами, а Флавио слишком долго искал счастья в Милане, пока не понял, что теряет свои корни.

— А что такое корни, Лука? Как ты их чувствуешь?

Он повернулся к ней, поставил этюдник на каменный парапет и мягко, уверенно привлек Веру к себе.

Его руки обняли ее за талию, и Вера всем существом почувствовала тепло его сильного, надежного тела, слыша ровный, успокаивающий стук его сердца под тонким льном рубашки.

— Корни, Вера — это нечто гораздо более глубокое, чем земля или старые каменные стены,— негромко сказал Лука, глядя прямо в ее ясные глаза.— Это знание того, куда возвращаться душой. Это земля, которая дает тебе силы стоять прямо в любой шторм, и человек, с которым ты хочешь делить каждый закат и каждый рассвет. Все остальное — слава, заказы, похвалы критиков и чужие пересуды — всего лишь преходящие декорации.

Вера опустила голову ему на грудь, зажмурившись от нахлынувшего чувства абсолютной защищенности. В этот миг

все ее мелкие дневные сомнения показались такими надуманными и призрачными. Какая разница, почему он спешил в Геную? Главное было здесь — в его крепких руках, в шуме морского прибоя далеко внизу и в верном взгляде Евы, которая улеглась на нагретую солнцем плиту, положив морду на лапы и чутко охраняя их покой.

Чуть выше по склону, в тенистой расселине под нависающей скалой, журчал старинный горный источник. Вода вытекала из замшелой пасти каменного льва, высеченного неведомым скульптором еще в прошлом веке, и стекала в полукруглую чашу из серого известняка. Вокруг источника пышно разрослись изумрудные папоротники и дикая мята.

Лука подошел к чаше, ополоснул лицо и руки ледяной ключевой водой и зачерпнул полную пригоршню:

— Попробуй, Вера. Эта вода рождается в снегах Апеннин и проходит сквозь километры известняковых пластов, прежде чем выйти на свет. Старики говорят, что глоток из этого источника смывает любую печаль.

Вера наклонилась и сделала несколько глотков с его ладоней. Вода была чистой, звенящей и такой холодной, что перехватило дыхание, оставляя во рту сладковатый минеральный привкус. Ева тоже подошла к чаше, шумно полакала ледяную струю и довольно фыркнула, подняв облачко брызг.

Они поднялись еще на сотню метров вверх по серпантину.

Воздух внезапно переменился. Морской бриз словно уперся в невидимую стену, и на них пахнуло густым, терп-

ким, пьянящим ароматом спелых лимонов, теплой смолы и цветущего чабреца.

Перед ними выросли высокие кованые ворота усадьбы «Вилла Лимоне».

Глава 4. Забытая «Вилла Лимоне» и тишина старого сада

« «Заброшенные сады не умирают — они засыпают в ожидании тех, кто снова позовет их к жизни. Под шелест лимонных крон оживают забытые сказки, а старые стены открывают свои сокровенные тайны». {brandAccent— Маруся Евина}»

Створка старинных кованых ворот скрипнула на ржавых

петлях, когда Лука осторожно толкнул ее вперед.

Они шагнули на территорию виллы, и Вера невольно затаила дыхание. Это место казалось сошедшим со старинных итальянских акварелей позапрошлого века.

Крутые склоны горы были превращены трудолюбивыми руками нескольких поколений в грандиозный амфитеатр ступенчатых террас. Мощные подпорные стены из серого песчаника и сланца вздымались уступами на высоту пяти или шести человеческих ростов. Над каждым ярусом тянулись ровные ряды тяжелых балок из дикого каштана, поддерживающих сплетенные из тростника и сухой соломы навесы — пальярелли. Эти навесы защищали драгоценные цитрусовые деревья от зимних холодных трамонтан с гор и палящего полуденного зноя, создавая внизу рассеянный, изумрудно-золотой свет.

Лимонные деревья здесь были исполинскими, с толстыми узловатыми стволами, покрытыми мхом и лишайником. Ветви сгибались под тяжестью спелых плодов: крупных, продолговатых, с плотной матовой кожурой, источающих чистый, концентрированный аромат эфирного масла. Меж деревьями струился старинный каменный желоб, по которому с тихим журчанием текла хрустальная вода из неиссякаемого горного родника, наполняя воздух прохладой и влагой.

Следы запустения и нехватки рабочих рук бросались в глаза повсюду.

Некоторые каштановые балки просели и опасно накрени-

лись, каменная кладка верхней стены осыпалась, образовав широкий провал, а дорожки между ярусами заросли диким плющом, колючим чертополохом и побегами дикой ежевики.

Ева внезапно замерла, подняла изящную морду, шумно втянула воздух и негромко, настороженно тявкнула в сторону жилого дома.

Из тени арочной галереи летней кухни медленно вышел человек.

Это был пожилой мужчина лет семидесяти, высокий, сухощавый, с прямой осанкой кавалерийского офицера. Его седые волосы были аккуратно зачесаны назад, открывая высокий благородный лоб, изрезанный глубокими морщинами, а в ясных светло-серых глазах читалась настороженная и гордая усталость. На нем были надеты потертые синие джинсы, светлая льняная рубашка с закатанными рукавами и длинный рабочий фартук из грубой парусины. В руках он держал стальной садовый секатор и моток пенькового шпагата для подвязки ветвей.

— Добрый вечер, синьор Вальверде,— спокойно и уважительно произнес Лука, сделав шаг вперед и придержав Еву за кожаный ошейник.— Надеюсь, мы не побеспокоили вас в неурочный час.

Старик прищурился, вглядываясь в лицо гостя, и суровые морщины вокруг его глаз чуть дрогнули:

— Лука? Сын Маттео Кастелли? Сколько лет прошло...

В последний раз ты бегал по этим террасам мальчишкой с ободранными коленками и таскал зеленый инжир у ручья.

— Было дело, синьор Флавио,— с доброй улыбкой отозвался Лука.— Но сегодня я пришел не за инжиром. Позвольте представить вам мою невесту — Веру Лаврову. Она художница, живет и работает здесь, в Белла-Виста.

Флавио перевел долгий, изучающий взгляд на Веру. Его глаза задержались на деревянном этюднике в руках Луки, затем на ее открытом, чутком лице.

— Художница... Значит, вас привлекли романтические руины? Должен огорчить: вилла не принимает туристов и зевак. Скоро здесь вообще ничего не останется, кроме строительных экскаваторов банка. Так что любуйтесь издалека, пока стены еще не превратились в щебень.

Вера подошла ближе. Ева тихо последовала за ней, села у ее ног и с любопытством потянула носом воздух. Хозяин сада пах землей, сухими травами и свежей лимонной цедрой. Старик медленно опустил широкую натруженную ладонь, и молодая кане-корсо, к удивлению Луки, позволила осторожно почесать себя за шелковистым ухом. Белая отметина на груди собаки привлекла взгляд старика.

— Кане-корсо... Чистокровная пьемонтская линия,— тихо заметил Флавио, и в его голосе впервые прозвучала человеческая мягкость.— Собаки всегда чувствуют правду лучше людей. Проходите к дому.

Вера расстегнула холщовую сумку, достала сверток тон-

кой бумаги и бережно сняла ее слой за слоем.

Фарфоровая чашка с золоченым цветком лимона вспыхнула в косых лучах заходящего солнца.

Старик застыл. Секатор в его руках бессильно опустился, пальцы дрогнули. Он смотрел на чашку так, словно перед ним предстало живое видение из далекого, безвозвратно ушедшего детства.

— Марта... отдала ее вам?— его голос сел, превратившись в хриплый, прерывистый шепот.

— Синьора Марта сказала, что эта чашка должна вернуться домой,— ответила Вера, протягивая реликвию хозяину на раскрытых ладонях.— И что человек, оставивший записку на доске историй, ждет тех, кто способен услышать тишину этого сада.

Флавио протянул сухие, узловатые пальцы, но не взял чашку, а лишь благоговейно коснулся ее прохладного края, словно боясь развеять хрупкое наваждение.

— Это последняя вещь, которую держала в руках моя бабушка Грация перед тем, как запереть двери этой кухни,— глухо произнес он, глядя на золоченый цветок на донышке.— Она ждала примирения до самого последнего вздоха. А я... я не сумел даже сохранить ее сад. Через три недели банк выставит усадьбу на принудительные торги. У меня нет денег, чтобы закрыть долг по налогам и ремонту.

— Не спешите опускать руки, синьор Вальверде,— твердо сказал Лука, подходя к ним и кладя руку на плечо Ве-

ры.— Стены сложены на века, фундамент цел, а корни этих лимонов помнят больше, чем любые судебные клерки. Мы пришли сюда с искренним сердцем. Мы хотим помочь вам отстоять виллу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.